

Нерсисянц А.В. Исследование древних мифов в историографии политико-правовой мысли // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 57-72. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_57

УДК 340.11:291.13

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_57

Исследование древних мифов в историографии политико-правовой мысли

Анна Владиковна Нерсисянц

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: nersesancanna@gmail.com

*Поступила в редакцию 16.05.2025, поступила после рецензирования 05.06.2025,
принята к публикации 09.06.2025*

Во введении к статье обосновывается тезис о том, что в отечественной историографии политико-правовой мысли древняя мифология наиболее полным образом представлена в части освещения античных мифов, но при этом не уделяется должного внимания более ранним мифологическим системам, оказавшим существенное влияние на античную мифологию. Автор ставит своей задачей частичное восполнение данного пробела, наличие которого затрудняет для юридической науки осмысление самых глубинных истоков формирования правового сознания человека и человечества в целом. С этой целью в статье прежде всего представлен анализ понятия мифа с акцентом на раскрытие этимологии данного слова, что позволило продемонстрировать внутреннюю связь между словами «миф» и «мысль», значимую, по мнению автора, для построения историографии политико-правовой мысли (в ее отличии от историографии политико-правовых учений). Далее раскрыто значение исследований древних мифов для построения полноценной отечественной историографии политико-правовой мысли. Это продемонстрировано на примере исторической трансформации таких ключевых и самых ранних понятий мифологической картины мира, встречающихся в политико-правовых учениях, как древнеиндийская *Рита* и однокоренное с ним понятие зороастрийской теологии *Арта*, которые затем трансформировались в греческое *Арте*, а впоследствии – в римское понятие *Виртус*. Отмечено, что применение герменевтической методологии для компаративного исследования того, как исходные правовые понятия, содержащиеся в наиболее древних мифологических системах, трансформируются в рамках иных культур, имеет важное значение для углубления знаний о цивилизационных особенностях правового развития разных регионов мира и прежде всего – для анализа под таким углом зрения специфических черт правовых культур Востока и Запада.

© Нерсисянц А.В., 2025

Ключевые слова: политико-правовая мысль; историография; правосознание; миф; онтология права; Рита; Арете; Виртус

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

Studying Ancient Myths in the Historiography of Political and Legal Thought

Anna V. Nersesyants

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: nersesancanna@gmail.com

Received 16.05.2025, revised 05.06.2025, accepted 09.06.2025

Abstract. The article asserts that Russian historiography of political and legal thought has extensively examined ancient mythology in its coverage of classical myths, but has neglected earlier mythological systems that significantly influenced ancient traditions. The author seeks to address this gap, which hinders legal science from fully understanding the foundational origins of legal consciousness in human development. The analysis begins by exploring the concept of myth, emphasizing its etymological roots to demonstrate its intrinsic connection between the words “myth” and “thought”, which is crucial for constructing a historiography of political and legal thought in contrast to the historiography of political and legal doctrines. Furthermore, the study highlights the importance of research into ancient myths, due to developing a comprehensive Russian historiography of political and legal thought. This is illustrated through historical evolution of key mythological concepts, such as the ancient Indian *Rita* and Zoroastrian *Arta*, which later transformed into Greek *Arete*, and subsequently into the Roman *Virtus*. The article underscores the value of hermeneutic methodology in comparative studies of early legal concepts across mythological systems, offering deeper insights into the civilizational distinctions of legal development worldwide – particularly in analyzing the unique legal cultures of the East and West.

Keywords: political and legal thought; legal consciousness; historiography; myth; ontology of law; Rita; Arete; Virtus

Acknowledgements: The study received financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, provided as subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Nersesyants A.V. Studying Ancient Myths in the Historiography of Political and Legal Thought, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 57-72. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_57

Введение

Освещение политико-правовой мысли, в особенности относящейся к раннему периоду в развитии того или иного народа, всегда предполагает обращение к ее мифологическим истокам, то есть к тем фундаментальным базовым мифам данного народа, которые отражают его исходные представления о происхождении земли, космоса (космогония) и богов (теогония), а также о месте человека в этом мире. И хотя «миф следует понимать не просто как праоснову, но прежде всего как матрицу, канву, глубинный слой всех форм духовной жизни людей, в том числе и современной жизни» (Малахов 2013: 4), тем не менее именно самые древние, первичные, базовые мифы представляют наибольший интерес для научного осмысления, поскольку они формируют те матрицы культуры человечества, которые в той или иной форме проявляют себя в условиях современности. В юриспруденции, как и в других науках, изучающих древнюю мифологию, эти базовые мифы составляют смыслообразующий контекст и объяснительный принцип, используемый учеными для понимания общественного и политико-правового устройства жизни людей соответствующей эпохи, их взаимоотношений с богами и отношений между собой (Нерсисянц 1979: 6). Описанные в мифах события, а также сам контекст их описания рассматриваются при этом как нормативно-императивная модель устройства человеческих отношений, включающая в себя сложный комплекс взаимосвязанных религиозных, моральных и правовых регуляторов, освященных высшим божественным авторитетом (Нерсисянц 1979: 9). Если вслед за немецким философом К. Хюбнером рассматривать «миф как форму бытия», описываемую «через более или менее систематическую связь правил поведения, которые относятся к обычаям частной и общественной жизни, социальному порядку, к природе, к образу жизни вообще» (Хюбнер 1996: 220), то можно сказать, что миф – это первичная онтология права как особой системы правил поведения.

Политические и правовые учения, которые в строгом и специальном смысле этого понятия появляются лишь в ходе длительного существования раннеклассовых обществ и государств, изначально эволюционировали из общемировоззренческих положений мифа.

В отечественной историографии политико-правовой мысли древняя мифология наиболее полным образом представлена в части освещения мифов Древней Греции и Древнего Рима, при этом значительно меньшее внимание уделяется более ранним мифологическим системам. И хотя в юридической литературе отмечается влияние указанных систем на античную мифологию, однако, как правило, оно не прослеживается на примере конкретных категорий. Такой подход, на наш взгляд, обедняет историографию политико-правовой мысли и затрудняет для юридической науки осмысление самых ранних истоков формирования правового сознания человека и человечества в целом. Далее мы попытаемся продемонстрировать этот тезис на примере конкретных категорий такого фундаментального для политико-правовой мысли понятия, как древнеиндийская *Puta*, а также однокоренного понятия зороастрийской теологии *Арта*, которое

затем трансформировалось в греческое *Арете*, а впоследствии переросло в римское понятие *Виртус*, утратив в этом процессе одни важные качества и приобретя другие. На данный момент важные для осмысления истоков правосознания исторические модификации, которые понятия *Рита* и *Арете* претерпели в понятийном аппарате античной мифологии, не получили освещения в отечественной юридической науке. Одна из задач данной статьи заключается в том, чтобы в какой-то мере восполнить данный пробел. Но прежде хотелось бы остановиться на раскрытии самого понятия «миф» в его соотношении с понятием «мысль» (в том числе в ее политико-правовом аспекте), а также показать наличие внутренней взаимосвязи между этими категориями и соответствующими культурными феноменами, которая, на наш взгляд, имеет несомненное значение для построения историографии политико-правовой мысли.

Понятие мифа и его значение для историографии политико-правовой мысли

Как отмечается в специальной литературе, понятие «миф» относится к числу наиболее сложных культурных феноменов, который можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах. В этом отношении данное понятие аналогично понятию права, которое может быть выражено в многообразии определений, отражающих разные аспекты некоего единого понятия, концентрирующего в себе исходный смысл всех определений (Нерсисянц 1983а: 26). Для того, чтобы выявить этот исходный смысл, то есть сущность феномена, выраженного понятием «миф», целесообразно прежде всего проанализировать этимологию этого слова. В обоснование такого подхода уместно сослаться на известное высказывание Конфуция, который, отвечая на вопрос о том, с чего надо начать управление государством, сказал так: «Прежде всего необходимо вернуть понятиям их изначальный смысл» (Soothill 1910: 607).

С этой целью следует обратиться к работам голландского специалиста по балто-славянской исторической лингвистике Р. Дерксена, в которых показано, что греческое понятие «миф» (*μῦθος* или *mûthos*) по своему содержанию аналогично протославянскому понятию «мысль»¹, с которым оно связано через общий протоиндоевропейский корень, восходящий к слову *mithyā* (представление, недоразумение)². Аналогичной точки зрения придерживалась также известный отечественный филолог А.А. Тахо-Годи (Тахо-Годи 2011: 17). Кроме того, греческое понятие мифа восходит к индоевропейскому слову *mēudh*, означающему заботиться о чем-то, желать чего-то (Тахо-Годи 2011: 554). В свою очередь, эта индоевропейская основа данного слова близка к древнеегипетской конструкции *mdwj*, которая трактуется как «речь, имеющая значение или сердце разума, задаю-

¹ Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 4). Leiden, Boston: IDC Publishers. 2008. P. 337.

² Mahendra C.A. Practical Hindi-English Dictionary. Delhi : National Publishing House, 1987. P. 598.

щее ритм» (Faulkner 1962: 122). Присутствующее в одной из трактовок данного термина выражение «сердце разума» представляется исключительно важным для исследования крайне сложного, ускользающего от понимания современными исследователями глубинного смысла понятия мифа как мысли, древние истоки которой соединяли в себе разум и чувство.

В Древней Греции термин «миф» (mythos), введенный в философский дискурс во времена Платона, в целом представлял собой, как указывает А.А. Тахо-Годи, набор различных смысловых конструкций, связанных не только с существительным «слово», но и с глаголом «говорить» (Тахо-Годи 2011: 554). Так, например, в поэмах Гомера словом «миф» обозначались истинные и правдивые речи в противоположность логосу, который соответствовал пустым и лживым словам. Смысл выражения «говорить ложь» у Гомера обозначен словами *ψευδῆ λέγειν*, где слово *λέγειν* (логос) употребляется в смысле лживых, ложных слов, «лукавых речей или словес (пустословия)» (Науменко 1968: 19). В противоположность этому у Гесиода в «Теогонии» (стихи 22-28) понятие «миф» близко по своему смыслу к выражению «чистой правды, божественной истины дочерей великого Зевса-царя, олимпийских муз, поющих песни о законах, которые всем управляют» (стих 66). Платон же, по мнению А.А. Тахо-Годи, «безошибочно называет беседу Сократа и Диотимы – «логосом». Зато описание истинности занебесной земли в «Федоне», не требующее никакой логической аргументации и поражающее своей категоричностью и аксиоматичностью, есть не что иное, как подлинный миф, так же, как и загробные странствия Эра в «Государстве» (Тахо-Годи 1999: 554). Таким образом, по своему исходному смыслу слово «миф» выражало некую истину, которая могла быть искажена логосом: мифология буквально означает мысль, выраженную словом, которое неизбежно искажает исходную мысль.

Однако с течением времени понятия мифа как мысли и логоса как слова меняют свои рудиментарные смыслы, в результате чего миф, как указывал русский философ С.Н. Трубецкой, «из сказа превращается в сказание или сказку и противопоставляется логосу». Миф, являвшийся некогда выражением истины, обращается в «ложную речь, подражающую истине» (Трубецкой 2000: 20). Отсюда можно сделать вывод, что миф по своей сущности – это мысль, которая изначально открывала человеку целый мир, более того, эта мысль, как пишет современный лингвист и философ права В.В. Биbihин, сама представляла собой «мир как целое», то есть миф (Биbihин 2008: 13). Советский юрист М.А. Рейснер, серьезно занимавшийся изучением политико-правовой идеологии, соглашался (что было совсем не просто для марксиста) с догматом древнеиндийской мифологии, согласно которому «сознанием правится мир, с сознанием связан мир, силе сознания подчинен мир» (Рейснер 2020: 251). Он, в частности, писал, что сознание и мудрость человека того времени «приобретают чудесный характер» (Рейснер 2020: 259), в силу чего «материальный мир оказывается одухотворенным, а сам этот закон причинности слит с законом формального равновесия и какой-то космической справедливости» (Рейснер 2020: 258).

Но этот мир, выраженный в мифе и осознанный древним человеком через «сердце разума», благодаря которому эхо божественного откровения

с небес откликалось в его душе законом космической справедливости, представал как некое «не-доразумение» (не-допонимание) божественного замысла. Как отмечал В.С. Нерсисянц, «существо и специфика мифа – не в ущербности его метода («алогичности» этого метода или каких-то иных его дефектах) и не в произвольной выдуманности его предмета (поэтому миф – это не выдумка или фантазия, а предание), а в том явном познавательном несоответствии (недостаточности) метода мифа его предмету, которое и придает мифу в целом характер недоразумения (в буквальном смысле этого слова)» (Нерсисянц 2004: 22). Таким образом, миф подразумевает нечто непонятное, воспринятое не столько на рациональном, сколько на чувственном уровне, и выраженное доступными непонимающему средствами. При этом непонятное сохранило миф фактически в его первозданной сути. Например, боги – это непонятый древним человеком факт, воспринятый человеком через «сердце разума».

Завершая краткий анализ понятия «миф», особо следует обратить внимание на тот упомянутый ранее, исключительно важный, на наш взгляд, факт, что русское слово «мысль» – это прямой потомок слова «миф», имеющего протоиндоевропейское происхождение. Непосредственная связь между данными словами и выражаемыми ими понятиями позволяет по-новому взглянуть на такое направление исследовательской деятельности, как формирование историографии политической и правовой мысли, а также на значение истории осмысления мифа в качестве важнейшего элемента этой историографии, понимаемой прежде всего как историография именно мысли. Говоря о различии историографии политических и правовых учений и историографии политико-правовой мысли, уместно сослаться на советского историка Б.Г. Могильницкого, который отмечал ошибочность отождествления историографии как «истории исторической науки» с историей исторической мысли, и подчеркивал, что история мысли в ее общем виде как бы одухотворяет любую историческую науку (Могильницкий 1976: 233). В отличие от истории исторической науки, которая «представляет собой концентрированное историческое познание во всем его многообразии и противоречивости» (Данилов 1974: 3), история исторической мысли в любой отрасли научного знания (в том числе и в истории политико-правовых учений) является особым типом историографического исследования, в задачу которого входит «прояснение общих закономерностей развития исторического познания как особой формы социальной активности человека» (Могильницкий 1976: 233). И хотя история исторической мысли – это не самостоятельный раздел историографии, так как все типы исторического исследования находятся в органической взаимосвязи, однако данное обстоятельство вовсе не исключает их дифференциации для более глубокого понимания и воссоздания общей картины истории исторической науки во всем ее многообразии. В современной юридической науке этот подход получил развитие в работах В.С. Горбаня, разграничивающего историографию политико-правовой мысли от историографии политических и правовых учений и подчеркивающего важность компромисса «между институциональными характеристиками права и интеллектуально-духовными или ментальными моментами правосознания» (Горбань 2023: 99). Для дости-

жения такого компромисса, пишет автор, необходимо обратиться к изучению «культуры народа, его представлений о справедливом и целесообразном» как способе познания «национального языка права, его внутренней грамматики, смысла и назначения идей порядка, устройства и мира» (Горбань 2023: 99). При этом история политико-правовой мысли «предстает как определенный путь и тип освоения знаний и достижений древности. Внутри себя он крайне неоднороден, и каждой национальности, каждой культурной единице внутри европейского пространства соответствует сложный набор исторических событий, связанных с их интеллектуальным становлением» (Горбань 2024: 15).

Выявленная через этимологический анализ внутренняя связь понятий «миф» и «мысль» позволяет сделать вывод о том, что вся политико-правовая мысль в определенном смысле предстает как совокупность своего рода мифов, в которых тот или иной мыслитель выражает свое собственное не-доразумение некой объективной реальности, постоянно ускользающей от окончательного понимания. Именно это обстоятельство создает интригу развития политико-правовой мысли, которая никогда не сможет подойти к своему завершению. Как не может быть пресловутого «конца Истории», о котором вслед за Г. Гегелем и В. Кожевным в начале 1990-х говорил Ф. Фукуяма, так не может быть и конца политико-правового осмысления этой Истории, логика развития которой никогда не будет окончательно понята ни одним гениальным мыслителем. Кроме того, исходное тождество понятий «миф» и «мысль» показывает исключительно важную роль мифа как источника политико-правовой мысли.

Отсюда следует также и то, что в историографии политико-правовой мысли прежде всего историография древнего мифа как первичной онтологии права должна занять более достойное место. В настоящее время актуальной задачей построения такой историографии является восполнение пробелов в истории осмысления базовых мифов человечества, связанных с истоками зарождения правовой мысли. К числу таких пробелов относится явно недостаточное внимание к тому, что В.С. Нерсисянц обозначил как «божественный первоисточник существующих порядков», как «способ и характер связи божественного начала с земными отношениями» (Нерсисянц 1985: 6), которые нашли свое отражение в мифах разных народов. Далее мы рассмотрим понятия, в которых эти аспекты древних мифов получили наиболее полное отражение.

Понятие *Puma (Rta)* как древнейший источник формирования правовой мысли

Для анализа истоков правовой мысли следует обратиться прежде всего к ключевому и самому раннему понятию мифологической картины мира в ее нормативном проявлении, каковым большинство специалистов в области правовых учений считает санскритское понятие *Puma (Rta)*, которое, как отмечает историк В.В. Емельянов, является древним прародителем таких слов как *right* «право», *art* «искусство», *rite* «обычай, обряд», русское «ряд», «обряд», «ритуал», «рота», «порядок» и т.д. (Емельянов 2003: 4). В отечественной

юридической литературе понятие Риты на данный момент не получило достаточного освещения. Так, в одной из немногих (если не в единственной) монографий, посвященных праву Индии, а именно в работе Н.А. Крашенинниковой «Индусское право: история и современность», данное понятие отсутствует (см.: Крашенинникова 1982).

Краткий анализ санскритского понятия *Puma (Rta)* дан в монографии В.С. Нерсисянца «Право и закон», где автор раскрывает эту центральную категорию древнеиндийской мысли как символ мирового, космического порядка, в котором Рита предстает в качестве нравственно-правового закона, а в контексте зарождения и эволюции права – в качестве мифологической версии естественного права (Нерсисянец 1983b: 25). Другой отечественный юрист, А.И. Ковлер, в работе по антропологии права упоминает понятия Риты как выражение «космического порядка, закона и обычая» в контексте анализа его соотношения с понятием Истины (Ковлер 2002: 202). В.Г. Графский в своем фундаментальном учебнике «История политических и правовых учений» также говорит о законе Риты (Рты), понимая под ним «порядок, установленный высшей силой на земле и на небесах и требующий от человека определенного поведения, связанного с поддержанием этого порядка». «Рита, – пишет он, – представляет собой закон Долга и Благочестия» (Графский 2009: 100). В ряде иных ведущих российских учебников по истории политических и правовых учений лишь очень кратко упоминается о мировом законе Рите или Рте как о «мифологически-органической концепции, которая определяла конституцию (строение) общества, место, роль, положение (в том числе и правовое) различных варн (сословий), а следовательно права и обязанности членов этих варн» (Нерсисянец 1995: 21).

При восполнении этого пробела в отечественной учебной и научной литературе, посвященной политико-правовым учениям древности, следует, на наш взгляд, опираться на разработанную А.Ф. Лосевым методологию изучения мифов, согласно которой в концепции вечного космического закона Риты как ядра наиболее древней мифологической картины мира можно выделить рудименты разной степени древности (Лосев 1996: 24). Исходя из этого, стоит начать анализ с понятия *Puma*, которое уже с 1600 г. до н.э. присутствует во многих древнейших источниках (Bloomfield 1969: 16). В Ригведе (старейшей из четырех Вед) все события рассматриваются как проявления мирового порядка – Риты (Bloomfield 1969:16), соблюдение которого является верным путем и исполнением долга (кармы). Надо отметить, что Рита, как подчеркивал американский лингвист Л. Блумфилд, является важнейшей категорией в рамках религиозной концепции Вед, поэтому изучение истории религиозных идей необходимо начинать с ее анализа (Bloomfield 1969: 12-13). С позиции правового подхода важно подчеркнуть, что мифология Ригведы – это первая в истории мировой мысли система двоичных бинарных оппозиций, выражающих такие базовые феномены, как добро и зло (Burrow 1959: 142, 227), лежащие в основе социальной регуляции. И в этом своем качестве мифология Ригведы в целом имеет исключительное значение для всей мировой политико-правовой мысли. Наиболее важные формулы этих текстов со-

держатся в законе Риты (Bloomfield 1969: 120, 121, 125). Самое близкое к нему по значению – однокоренное понятие зороастрийской теологии *Арта* (*Asha* или *arta*, *areta*³). Востоковеды убеждены в идентичности авестийской и ведической идеологий, что связано с единством понятий *Рита* и *Арта* (*Asha*) (Bailey 1943: 177). Показательно, что древняя Авеста заканчивается следующими словами: «Есть лишь один путь, это путь праведности / правды (Арта; Аша), все остальное беспутье»⁴.

С точки зрения правового подхода следует иметь в виду, что Рита составляет противоположность амхасу (то есть хаосу) (Радхакришнан 1993: 36). Она олицетворяет закон и незыблемость справедливости, берущей начало от регулярности движения солнца, луны и звезд, справедливого и закономерного равенства в чередовании дня и ночи, времен года (Радхакришнан 1993: 36). Согласно легендам, Рита была установлена семью космическими божествами для выражения религиозного, нравственного и правового сознания. Это был некий принцип организации, которому подчинены устройство мира, космос, времена года, время, отношения между богами и людьми, отношения между людьми⁵. Законы Риты не определялись извне, она сама была источником всего и определяла ход вещей (Васильков 1979: 123). Вся реальность, считали представители древних восточных цивилизаций – это отражение действия неизменного закона, единого и неделимого, а земная жизнь – лишь иллюзия, изменчивая и переходящая. Космический закон Риты утвержден волей верховного абсолютного божества, как и закон справедливости, который (что принципиально важно) преступить не могут даже боги, они должны придерживаться закона наравне с людьми. «Заря следует путем Риты, будто она знала его раньше. Она никогда не переступает сфер. Солнце следует путем Риты», – цитирует древние тексты индийский философ С. Радхакришнан (Радхакришнан 1993: 36-37). Уточняя эту мысль, он приводит следующие слова Гераклита: «Солнце не перейдет своей меры, иначе его бы настигли Эринии (судьбоносное возмездие), помощницы Правды»⁶. Закон в физическом мире, заключает С. Радхакришнан, аналогичен добродетели в мире нравственном.

Основная идея Авесты – противопоставление праведника (артаван) слуге лжи⁷. Авеста представляет собой выражение глобального и общего закона мироздания, включающего порядок смены времен года. Однако, помимо природного компонента, термин *Арта*, как отмечают ученые, имел социальное и этическое содержание (иерархический уклад

³ См.: Авеста в русских переводах. Священное писание зороастризма / под общ. ред. И.В. Рака. 2-е изд. Санкт-Петербург : Журн. «Нева», Летний Сад, 1998. С. 7.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : I. Хоз-во, семья, общество. II. Власть, право, религия. Москва : Прогресс : Универс, 1995. С. 300.

⁶ Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / подгот. А.В. Лебедев. Москва : Наука. С. 177.

⁷ Там же.

общества, справедливость, верность договорам и т.д.). В учении Заратуштры нравственно-этический компонент занимает первое место: в «Гатах» и «Младшей Авесте» Арта предстает олицетворением триады, включающей в себя «благие мысли, благие речи, благие дела» как в личностном, так и в социальном плане. Существует божественная персонификация Аши/Арты – богиня Арштат, которая является олицетворением справедливости. В древнеперсидских текстах Арта ассоциируется с политическими и социальными концепциями. При этом важное значение для ее понимания представляет, в частности, имя первого правителя династии Сасанидов, Ардашира I. Имя Ардашир происходит от древнеиранского слова *ArtaxšaθRa*. Оно эквивалентно греческому *Artaxérxēs* и армянскому *Artašēs*, что означает «тот, кто правит праведным царством». Первая часть имени заимствована из ведической концепции – *arta*, вторая часть связана с понятием – *xšaθra* «царство», что в конечном итоге привело к греческому эллинизированному варианту «Артаксеркс»⁸. В древнеегипетской мифологии понятию *Arta* соответствует богиня Маат (Нерсесянц 2004: 20), управляющая законами мироздания и социума, а в древнекитайской философии – понятие *Дао*, означающее нравственный духовный путь человека и основанный на морали социальный порядок.

Рита – это своего рода небесный закон, гарант и защитник от темных сил, который распространялся на потусторонний мир, неизвестный и пугающий древнего человека, а также являлся ориентиром для его поведения в земной жизни. Согласно Рите, истина, справедливость и верность – это качества, составляющие суть человека. В индийских текстах добродетель соответствует естественному порядку, а зло представляет собой нарушение этого порядка. Рита предстает в них как космический путь, по которому пройдут лишь хорошие люди, а последователи дьявола не смогут по нему пройти (Mojtaba, Sanaz 2018: 159). С точки зрения правового подхода важно иметь в виду, что Рата (производное от *Rita* в дословном переводе) – это соразмерная часть, а также путь. В своем единстве данные понятия означают жизненный путь как удержание равенства, баланса проб и ошибок⁹.

Понятие Риты является прародителем греческой Арете (Aretē), которая играет центральную роль в греческом мифологическом дискурсе. Точный перевод данного понятия представляет немалую сложность для исследователей, однако целый ряд специалистов сходится во мнении, что перевод Арете как добродетели слишком упрощен и даже может вводить в заблуждение, а в некоторых случаях может «непоправимо исказить смысл оригинала» (Bluck 1961: 202). Наиболее полно Арете выражена у Гомера, Пиндара, Сократа (в исполнении Платона) и Аристотеля. Более емкий диапазон значений Арете присутствует в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, где Арете предстает итогом соединения таких совершенных мужских качеств, как доброта, мужество и доблесть воина, которые, как правило, выражают достигнутое в борьбе превосходство над дру-

⁸ См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 2. Москва : Наука. 1994. С. 506.

⁹ В данном контексте уместно напомнить римскую юридическую формулу «*pro rata temporis*», что означает соразмерно (пропорционально) истекшему времени.

гими людьми, а также над обстоятельствами. Олицетворением Арете считался, например, один из главных героев «Илиады» Ахиллес (Hawhee 2002: 187). Однако в древнегреческой мифологии Арете присуща не только мужчинам: обладательницей Арете является, например, супруга Одиссея – «мудрая Пенелопа», которая предстает у Гомера как носительница непоколебимого духа¹⁰. Важно отметить и то обстоятельство, что у Гомера не существует жесткого классового разделения в этом вопросе: своеобразной Арете обладают и рабы: «Лишь половину цены (ἀρετῆς. – А.Н.), – писал Гомер, – оставляет широкоглядящий Зевс человеку, который на рабские дни осужден»¹¹.

Позднее укоренившееся в греческих песнопениях понятие Арете зачастую предстает уже как выражение воинской доблести, то есть героической силы и мужества. По словам Аристотеля, героический почет был необходим людям чтобы удостовериться в собственной ценности (в собственной Арете), поэтому они желают, чтобы их оценивали люди, способные вынести суждение на основе их подлинной Арете (см.: Никомахова этика. 1095b 26). Героическая Арете, отмечает немецкий историк В. Йегер, достигает завершения лишь после смерти героя, однако переживает его самого в его славе. Иными словами, Арете, которая сопровождала героя при жизни, оставалась в качестве некой самостоятельной субстанции после его смерти. Боги, как и герои, также претендуют на славу и почести. Гомеровы боги, которые, по словам В. Йегера, представляют собой своего рода кружок бессмертной знати, также, как и люди, нуждались в признании их Арете.

Большое значение Арете придавал и другой поэт Древней Греции – Пиндар. Он разделял Арете на четыре добродетели (ἀρετῆ), соответствующих определенным периодам жизни человека: целомудрие (σωφροσύνη), мужество (ἀνδρεία), справедливость (δικαιοσύνη) и разумность (φρόνησις) (Briggs 1984: 240). Постепенно Арете, как отмечает французский историк-эллинист Ж.-П. Вернан, стала ассоциироваться со знатностью происхождения (ἀρετῆ) и этимологическим источником понятия аристократии¹². Однако важно отметить, что в своей аристократической трактовке Арете предстает в качестве оппозиции роскоши (Йегер 2001: 32): она рассматривается как результат упорного труда, самовоспитания, жесткой дисциплины, самоконтроля и стойкости перед искушениями. В Арете спеси богатства противостоит идеал благоразумия, который призывает к воздержанности, чувству меры, золотой середине как к «среднему между крайностями» (Вернан 1988: 103).

В послеведийскую эпоху Арете часто отождествляли с греческой Дике¹³, но затем Дике фактически вытеснит из греческого словоупотребления такое сложное понятие, как Арете. Однако оно вновь возрождается в философии

¹⁰ Гомер. Одиссея / пер. В.В. Вересаева. Москва : Худож. лит., 1953. С. 124.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² См.: Autenrieth G. New York: Harper & A Homeric dictionary for schools and colleges / Based upon the German of Dr. Georg Autenrieth. New York : Harper & Brothers. 1895. P. 45.

¹³ См.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. Москва : Совет. энцикл., 1983. С. 585.

Сократа, где внутренний мир человека предстает в качестве некоего нового явления Арете, о которой он говорит как о главной добродетели души (Йегер 2001: 70). В контексте данной темы хотелось бы отметить один интересный факт, который, как нам представляется, прошел мимо внимания отечественных и зарубежных исследователей. Имя матери Сократа – Фенарета (Φαινάρητη) – означает дословно «та, кто выявляет добродетель». В беседе с Тезетом (диалоги Платона) Сократ спрашивает: «А не слыхал ли ты, что я – сын повитухи ... Фенареты? ... А не слыхал ли ты, что я промышляю тем же ремеслом? ... Доверься мне как сыну повитухи». По сути, Сократ говорит: «Доверься мне как сыну той, кто выявляет добродетель». Кстати, жрица Диотима в платоновских диалогах отмечает «возможность человека быть “беременным духовно”» и вынашивать то, что должна вынашивать душа – ум, мудрость и всякое добро (Пир. 209b).

Завершая этот краткий анализ, следует отметить, что латинским продолжением Арете стало римское понятие *Виртус* (*virtus*)¹⁴, где *vir* означает «мужчина». Соответственно, *virtus* в римской традиции предстает как «мужественность, храбрость, стойкость, доблесть (часто воинская), добродетель, душевное благородство. В персонифицированном виде Виртус – это богиня воинской доблести»¹⁵. Таким образом, в рамках римской политико-правовой мысли получила дальнейшее развитие наметившаяся в греческой мифологии существенная трансформация понятия *Арете*, которое, в отличие от своих первоисточников, на первый план выносит воинские мужские добродетели: мужественность, храбрость, стойкость, доблесть (часто воинская), добродетель, душевное благородство.

Заключение

Как видно из проведенного анализа, дальнейшие исследования мифологических истоков политико-правовой мысли позволят включить в сферу изучения новый материал, важный не только для понимания закономерностей формирования исходных, базовых категорий правового сознания человечества в целом, но и для осмысления цивилизационных особенностей правосознания разных народов. Применение герменевтической методологии для компаративного исследования того, как исходные правовые понятия, содержащиеся в наиболее древних мифологических системах, трансформируются в рамках иных культур, позволит существенно углубить наши знания о цивилизационных особенностях правового развития разных регионов мира. Наибольший интерес представляет анализ под таким углом зрения специфических черт правовых культур Востока и Запада, которые, в частности, хорошо прослеживаются на рассмотренном примере модификации понятий *Рута*, *Арете* и *Виртус*.

¹⁴ Гусейнов А.А. Добродетель // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва : Мысль, 2010. Т. 1: А – Д. С. 677.

¹⁵ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь : около 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Рус. яз., 1976. С. 1084.

Осуществленный нами краткий анализ этой сложной и важной проблемы показывает, что древнеиндийская Рита, раскрывающая суть человека через категории истины, справедливости и верности, перейдя условную границу между Востоком и Западом и пройдя целую цепь трансформаций под воздействием множества факторов этнического, конфессионального, исторического и т.д. характера, модифицировалась в римское понятие *Виртус*, которое при всем своем смысловом многообразии выражает прежде всего такие воинские добродетели, как мужество и доблесть. Уже один этот факт, не получивший пока что должного освещения в отечественной юридической науке, наглядно демонстрирует разницу в мифологических истоках восточной и западной политико-правовой мысли, достаточную для понимания того, что подобные различия оказали несомненное влияние на все последующее политическое и правовое развитие соответствующих стран и регионов мира. Однако при всем значении выявления такого рода различий в правовом развитии разных цивилизаций изучение мифологических истоков политико-правовой мысли может, на наш взгляд, дать также и богатый материал для осмысления общечеловеческого сакрального смысла и значения тех ценностей, которые объединяют разные цивилизации. Оба этих направления исследований древних мифов как первичной онтологии права представляют несомненный научный интерес и заслуживают большего внимания со стороны российской истории политико-правовых учений и философии права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бибихин В.В. 2008. Ранний Хайдеггер : материалы к семинару. Москва : Изд. Ин-та философии, теологии и истории св. Фомы. 540 с.
- Васильков Я.В. 1979. Земледельческий миф в древнеиндийской эпосе (Сказание о Рашьяшринге) // Литература и культура Древней Средневековой Индии : сб. статей / отв. ред. Г.А. Зюграф, В.Г. Эрман. Москва : Наука. С. 99–133.
- Вернан Ж.-П. 1988. Происхождение древнегреческой мысли / общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича. Москва : Прогресс. 224 с.
- Горбань В.С. 2023. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4. С. 91–101. DOI 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101
- Горбань В.С. 2024. Историографические исследования политико-правовой мысли // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 19, № 4. С. 11–39. DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-4-gorban
- Графский В.Г. 2009. История политических и правовых учений. 3-е изд. Москва : Норма. 735 с.
- Данилов А.И. 1974. Сказки и некоторые вопросы историографического анализа // Вопросы истории. № 8. С. 3–9.
- Емельянов В.В. 2003. Ритуал в древней Месопотамии. Санкт-Петербург : Азбука-классика : Петерб. востоковедение. 318 с.
- Йегер В. 2001. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1 / пер. с нем. А.И. Любжина. Москва : Изд. Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина. 594 с.
- Ковлер А.И. 2002. Антропология права : учеб. для вузов. Москва : Норма. 467 с.
- Крашенинникова Н.А. 1982. Индусское право: история и современность. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 192 с.
- Лосев А.Ф. 1996. Мифология греков и римлян. Москва : Мысль. 944 с.

Малахов В.П. 2013. Мифы современной общеправовой теории. Москва : Юнити. 150 с.

Могильницкий Б.Г. 1976. История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы истории общественной мысли и историографии : к 75-летию акад. М.В. Нечкиной : сб. статей / отв. ред. Л.В. Черепнин. Москва : Наука. С. 233–243.

Науменко Л.К. 1968. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата : Наука. 327 с.

Нерсисянц В.С. (ред.) 1985. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсисянц. Москва : Наука. 347 с.

Нерсисянц В.С. (ред.) 1995. История политических и правовых учений : учебник для юрид. вузов и фак. / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. Москва : Инфра-М : Кодекс. 704 с.

Нерсисянц В.С. (ред.) 2004. История политических и правовых учений : учебник для и вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма. 944 с.

Нерсисянц В.С. 1979. Политические учения Древней Греции. Москва : Наука. 262 с.

Нерсисянц В.С. 1983а. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. № 10. С. 26–35.

Нерсисянц В.С. 1983b. Право и закон : Из истории правовых учений. Москва : Наука. 366 с.

Радхакришнан С. 1993. Индийская философия. Т. 1 / пер. с англ. 2-е изд. Москва : Миф. 623 с.

Рейснер М.А. 2020. Идеологии Востока : очерки восточной теократии. Изд. 2-е. Москва : Либроком. 344 с.

Тахо-Годи А.А. 1999. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах / сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. Санкт-Петербург : Алетейя. С. 536–556.

Тахо-Годи А.А. 2011. Если занимаешься античной философией, то без классической филологии ничего поделать нельзя : интервью с А.А. Тахо-Годи / беседу вела Т.А. Уманская // Вопросы философии. № 12. С. 10–18.

Трубецкой С.Н. 2000. Учение о Логосе в его истории : филос.-ист. исслед. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио. 650 с.

Хьюбнер К. 1996. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. Москва : Республика. 448 с.

Bailey H.W. 1943. Zoroastrian Problems in the ninth-century. Oxford : Calendon Press. 235 p.

Bloomfield M. 1969. The religion of the Veda; the ancient religion of India (from Rig-Veda to Upanishads). New York : AMS Press. 300 p.

Bluck R.S. 1961. Plato's Meno. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 482 p.

Briggs W.W. 1984. Gildersleeve on Pindar Nemean 3.74-75 // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 25, № 3. P. 233–242.

Burrow T. 1959. The Sanskrit language. London : Faber and Faber. 288 p.

Faulkner R.O. 1962. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford : Griffith Institute. 391 p.

Hawhee D. 2002. Agonism and Arete // Philosophy and Rhetoric. № 35. P. 185–207. DOI 10.1353/par.2003.0004

Mojtaba D., Sanaz M. 2018. Arta and Aša in proper names and the range of their political and religious concepts // Dialogue Between Cultures & Exchanged of Knowledge

and Cultural Ideas Between India, Iran, Turkey & Central Asia with Special Reference to the Sasanian and Gupta Dynasty / Ed. By O. Zaman. Guwahati, Assam : Department of Persian Gauhati Univ. P. 159–175.

Soothill W.E. 1910. The analects of Confucius. Yokohama : The Author. 1028 p.

References

Bailey H.W. *Zoroastrian Problems in the ninth-century*, Oxford, Calendon Press, 1943, 235 p.

Bibikhin V.V. *Ranniy Khaydegger : materialy k seminaru* [The Early Heidegger. Materials for the Seminar], Moscow, Izdanie Instituta filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2008, 540 p. (in Russ.).

Bloomfield M. *The religion of the Veda; the ancient religion of India (from Rig-Veda to Upanishads)*, New York, AMS Press, 1969, 300 p.

Bluck R.S. *Plato's Meno*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1961, 482 p.

Briggs W.W. Gildersleeve on Pindar Nemean 3.74-75, *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 1984, vol. 25, no. 3, pp. 233–242.

Burrow T. *The Sanskrit language*, London, Faber and Faber, 1959, 288 p.

Danilov A.I. *Skazki i nekotorye voprosy istoriograficheskogo analiza* [Fairy Tales and Some Issues of Historiographical Analysis], *Voprosy Istorii*, 1974, no. 8, pp. 3–9. (in Russ.).

Emelyanov V.V. *Ritual v drevney Mesopotamii* [Ritual in Ancient Mesopotamia], St. Petersburg, Azbuka-klassika, Peterburgskoe vostokovedenie, 2003, 318 p. (in Russ.).

Faulkner R.O. *A Concise Dictionary of Middle Egyptian*, Oxford, Griffith Institute, 1962, 391 p.

Gorban V.S. Historiographical Studies of Political and Legal Thought, *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2024, vol. 19, no. 4, pp. 11–39. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-4-gorban> (in Russ.).

Gorban V.S. New Historiography of Political and Legal Thought as an Urgent Task of Legal Sciences, *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 4, pp. 91–101. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101> (in Russ.).

Grafsky V.G. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The History of Political and Legal Doctrines], 3rd ed., Moscow, Norma, 2009, 735 p. (in Russ.).

Hawhee D. Agonism and Arete, *Philosophy and Rhetoric*, 2002, no. 35, pp. 185–207, <https://doi.org/10.1353/par.2003.0004>

Hübner K. *The Truth of Myth*, Moscow, Respublika, 1996, 448 p. (in Russ.).

Jaeger W. *Paideia: The Ideals of Greek Culture*, vol. 1, Moscow, Izdanie Greko-latinskogo kabineta Yu.A. Shichalina, 2001, 594 p. (in Russ.).

Kovler A.I. *Antropologiya prava* [Anthropology of Law], Moscow, Norma, 2002, 467 p.

Krashenninnikova N.A. *Indusskoe pravo: istoriya i sovremennost'* [Hindu Law: History and Modernity], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1982, 192 p. (in Russ.).

Losev A.F. *Mifologiya grekov i rimlyan* [Mythology of the Greeks and Romans], Moscow, Mysl', 1996, 944 p. (in Russ.).

Malakhov V.P. *Mify sovremennoy obshchepravovoy teorii* [Myths of Modern General Legal Theory], Moscow, Yuniti, 2013, 150 p. (in Russ.).

Mogil'nitskiy B.G. *Istoriya istoricheskoy mysli kak predmet istoriograficheskogo issledovaniya* [The History of Historical Thought as a Subject of Historiographical Research], L.V. Cherepnin (Resp. Ed.), *Problemy istorii obshchestvennoy mysli i istoriografii : k 75-letiyu akad. M.V. Nechkinoy : sb. statey*, Moscow, Nauka, 1976, pp. 233–243. (in Russ.).

Mojtaba D., Sanaz M. Arta and Aša in proper names and the range of their political and religious concepts, O. Zaman (Ed.), *Dialogue Between Cultures & Exchanged of Knowledge*

and Cultural Ideas Between India, Iran, Turkey & Central Asia with Special Reference to the Sasanian and Gupta Dynasty, Guwahati, Assam, Department of Persian Gauhati Univ., 2018, pp. 159–175.

Naumenko L.K. *Monizm kak printsip dialekticheskoy logiki* [Monism as a Principle of Dialectical Logic], Alma Ata, Nauka, 1968, 327 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy mir* [The History of Political and Legal Doctrines. The Ancient World], Moscow, Nauka, 1985, 347 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The History of Political and Legal Doctrines], Moscow, Infra-M, Kodeks, 1995, 704 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. (Ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The History of Political and Legal Doctrines], 4rd ed., rev. and augm., Moscow, Norma, 2004, 944 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Politicheskije ucheniya Drevney Gretsii* [Political Teachings of Ancient Greece], Moscow, Nauka, 1979, 262 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Pravo i zakon : Iz istorii pravovykh ucheniy* [The Law and the Law. From the History of Legal Doctrines], Moscow, Nauka, 1983, 366 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Pravo: mnogoobrazie opredeleniy i edinstvo ponyatiya* [Law: the Diversity of Definitions and the Unity of the Concept], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo (State and Law)*, 1983, no. 10, pp. 26–35. (in Russ.).

Radhakrishnan S. *Indian Philosophy*, 2nd ed., Moscow, Mif, 1993, 623 p. (in Russ.).

Reysner M.A. *Ideologii Vostoka : ocherki vostochnoy teokratii* [Ideologies of the East: Essays on Eastern Theocracy], 2nd ed., Moscow, Librokom, 2020, 344 p. (in Russ.).

Soothill W.E. *The analects of Confucius*, Yokohama, The Author, 1910, 1028 p.

Takho-Godi A.A. *Esli zanimaesh'sya antichnoy filosofiey, to bez klassicheskoy filologii nichego podelat' nel'zya : interv'yu s A.A. Takho-Godi / besedu vela T.A. Umanskaya* [If you study ancient philosophy, then you can't do anything without classical philology. Interview with A.A. Takho-Godi], *Voprosy filosofii*, 2011, no. 12, pp. 10–18. (in Russ.).

Takho-Godi A.A. *Mif u Platona kak deystvitel'noe i voobrazhaemoe* [Plato's Myth as Real and Imaginary], *Takho-Godi A.A., Losev A.F. Grecheskaya kul'tura v mifakh, simvolakh i terminakh*, St. Petersburg, Aleteyya, 1999, pp. 536–556. (in Russ.).

Trubetskoy S.N. *Teaching on Logos in its History*, Moscow, AST, Kharkov, Folio, 2000, 650 p. (in Russ.).

Vasilkov Ya.V. *Zemledel'cheskiy mif v drevneindiyskoy epose (Skazanie o Rash'yashringe)* [The Agricultural Myth in the Ancient Indian Epic (The Legend of Rashyashring)], *G.A. Zograf, V.G. Erman (Resp. eds.), Literatura i kul'tura Drevney Srednevekovoy Indii : sb. statey*, Moscow, Nauka, 1979, pp. 99–133. (in Russ.).

Vernant J.-P. *Origins of Greek Thought*, Moscow, Progress, 1988, 224 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Владимировна Нерсисянц

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, г. Москва, Россия;
ORCID: 0009-0009-0154-4521;
ResearcherID: 0838-2025;
SPIN-код: 9203-9363;
E-mail: nersesancanna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Nersesyants

Candidate of Law, Researcher at the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0009-0009-0154-4521;
ResearcherID: 0838-2025;
SPIN-code: 9203-9363;
E-mail: nersesancanna@gmail.com